

6.4.5. Равновесие. Бардиж. Полковник Покровский

Так или иначе, новороссийское направление, представлявшееся поначалу наиболее перспективным, в два дня потеряло для обеих сторон определяющее значение. Бои затихли. Стороны разошлись и *на этом участке фронта* более друг друга почти не беспокоили. Все надежды новороссийский комитет связывал теперь с Тихорецкой и Кавказской, где стояли сохранившие дисциплину и своих офицеров боевые части 39-й дивизии.

25 января прибывший в Тихорецкую А.И. Автономов¹⁸⁹ вступил

¹⁸⁹ История его появления в Тихорецкой такова. Ещё в декабре 1917 г. по оставлении Ростова часть комитетчиков перебралась в Царицын. Едва полки 39-й дивизии стали гарнизонами в Ставрополе и на севере Кубани, ростовские большевики решили действовать. В результате, как пишет Антонов-Овсеенко, «...казачья военная секция при Царицынском совдепе, штаб обороны гор. Царицына и Бюро Областного Военно-Революционного Комитета Донской области (создавшиеся в январе в Царицыне) организовали штаб «юго-восточной революционной армии» и избрали хорунжего Автономова её командующим». Понятно, что выбор был обусловлен катастрофической нехваткой «своих» военных кадров, а Автономов был казачьим офицером и к тому же зарекомендовал себя человеком левых взглядов и убеждённым противником Каледина. Но, следует признать, это «назначение» оказалось далеко не худшим.

На первый взгляд Автономов никак не походил на начальника, способного командовать не только соединением, а даже и казачьей сотней или стрелковой ротой. Но тот факт, что штаб 39-й дивизии безоговорочно, сразу по прибытии согласился признать его, в качестве командующего, говорит о многом. И дело тут не в мандате Донского ВРК, и даже не в Антонове-Овсеенко, утвердившего Автономова на должность. Тем более, не в стратегических талантах, которые открывались, или не открывались у всех по-новому и на полях новых боёв. Времена были такие, когда командиров выбирали зачастую прямо на митингах, и документы, направления вес имели далеко не решающий. Вот что пишет по этому поводу И.Л. Хижняк: «В 1918 году мне не раз доводилось встречаться с главкомом Автономовым... При первом знакомстве на нас он не произвёл особого впечатления. Невысокий, шуплый, белокурый Александр Исидорович Автономов мало походил на военного, хотя и был одет в нарядную черкеску. Был он близорук, носил очки. Но когда он выступил на митинге с блестящей страстной речью, наше мнение о нём сразу изменилось... В то время, когда в частях существовала выборность должностей, выдвинуться было легко. Для этого надо было, прежде всего, быть храбрым в бою и красноречивым на митингах...» Думается всё же, храбрости и красноречия было далеко не достаточно. Как легко было выдвинуться, так ещё легче – оказаться и смещённым. И не обладай Автономов, помимо ораторских, и несомненными организаторскими способностями, вряд ли он мог бы оставаться командующим столь долгое время.

А.И. Автономов

в командование советскими войсками, в том числе и расквартированными на станции частями 39-й пехотной дивизии и издал свой первый приказ о вступлении в должность командующего. Тут же им был сформирован штаб, в который, кроме самого Автономова, вошли Коротков (начальник штаба), Равикович (секретарь штаба), Бабкин, Внуков¹⁹⁰, Меньшиков и др.¹⁹¹.

Едва приняв командование, Автономов получил от Антонова-Овсеенко директиву о занятии Батайска и принялся стягивать в Тихорецкую разбросанные тут и там войска. 1(14) февраля он двинул к Батайску прибывший из Ставрополя 112-й полк и часть сил 153-го Бакинского полка. Станция и посёлок в результате многочасового боя были заняты, но добровольцы перед отходом оказали столь ожесточённое сопротивление, что солдаты замитинговали. Выборные представители 112-го полка потребовали провести немедленную демобилизацию. Полк снялся, погрузился в эшелоны и отправился обратно в Ставрополь, где и был вскоре расформирован. 153-й Бакинский оказался деморализованным настолько, что смог лишь обозначить наступление на Ростов с юга. А в решающий момент отказался выдвинуться к Ольгинской, куда и отошла без помех Добровольческая армия¹⁹². В ито-

¹⁹⁰ От штаба 39-й дивизии – Коротков и Внуков. От ростовских большевиков – Равикович.

¹⁹¹ Вскоре к Автономову прибыл и знакомый с ним ещё со времён казачьего фронтового съезда П.С. Гуменный, назначенный вскоре политкомиссаром при штабе одного из направлений.

¹⁹² Следует признать, что преследовать Корнилова не смогли, или не захотели и другие советские части. И выступи 153-й полк в одиночку против всей Добровольческой армии, он, весьма вероятно, был бы разгромлен у Ольгинской, даже, если бы и занял своевременно переправу.

ге, несмотря на энергичные усилия Автономова до середины февраля он при всём желании не мог организовать наступление на Екатеринодар от Тихорецкой¹⁹³.

Что касается Кавказской, то и здесь все усилия большевиков, направленные на немедленное наступление частей на Екатеринодар, не увенчались успехом. 2(15) февраля 1918 г. в Армавире собрался 1-й Областной Съезд Советов¹⁹⁴. Всего собралось более 100 делегатов. Большинство составляли казаки-фронтовики, меньшинство – иногородние. Из Новороссийска прибыл Я.В. Полуян. Съезд подтвердил намерение «бороться с Краевой властью», принял ряд решений, узаконивающих пере-

¹⁹³ При этом часть сил, а именно, подразделения 156-го Елисаветпольского полка пришлось двинуть в сторону Великокняжеской, откуда, как представлялось, могла исходить угроза.

¹⁹⁴ Первоначально планировалось провести его в Екатеринодаре 25 января. Однако до установления Советской власти сделать это в столице Кубани было невозможно. Делегатов съезда Атаман Филимонов приказал арестовывать прямо на вокзале. Ещё в декабре 1917 г. группа делегатов предгорных районов (до 20 человек) предложили созвать съезд на ст. Гулькевичи, где стоял в то время штаб 39-й дивизии. После Энема, когда стало понятным, что взятие Екатеринодара откладывается на неопределённое время, их предложение было принято. Отдельные ранее избранные делегаты Съезда Советов стали съезжаться в Гулькевичи, но их было немного. Село считалось оплотом Советской власти, но и тут не обошлось без проблем. Комиссар Никитенко (сам ли себе выписал Никитенко соответствующий мандат, или добился его от Армавирского совдепа, неизвестно, но все, от Янчевского до Скобцова называют его именно «комиссаром»), в чьих руках сосредоточилась к концу января вся местная власть, встречал прибывающих неприветливо. «Председатель местного Военно-Революционного Комитета, – пишет Борисенко, – впоследствии известный бандит Никитенко, мешал занятиям съезда, дезорганизуя их». «Власть приехали создавать, – заявил он делегатам. – За чужую спину будете прятаться?! За власть надо воевать!..» Тем не менее, на многолюдном митинге были избраны на место недостающих новые депутаты, отпечатаны воззвания, и через несколько дней Съезд приступил к работе. Никитенко изменил тактику и попытался решениями Съезда узаконить и упрочить своё положение, по сути, поселкового военного диктатора. «Никитенко, – пишет Янчевский, – пытался использовать съезд для укрепления «своей» власти, поэтому съезд решил переехать в Армавир. Здесь влились в состав съезда делегаты от Армавира». Из всего сказанного неизбежно вытекает вывод. Советские руководители меньше всего были озабочены представительностью Областного Съезда Советов. Главной целью было его именем во что бы то ни стало двинуть войска от Кавказской и Армавира на Екатеринодар.

распределение земли, и избрал Исполнительный комитет¹⁹⁵, и комиссара отдела. Исполком принялся организовывать под командой Балахнина красногвардейские отряды, но дело далеко не продвинулось¹⁹⁶. Солдаты остающихся ещё в отделе подразделений 39-й дивизии в большинстве демобилизовались и уехали на родину. Лишь незначительная их часть готова была вступить в Красную гвардию. Что касается местных командиров, то они вовсе не желали воевать вне своих сёл и станиц. Никитенко прямо заявил, что выступить не может, так как должен оберегать Советскую власть в Гулькевичихах. В результате двинуть разношерстные, никому, кроме своих выборных командиров, не подчиняющиеся отряды на Екатеринодар так и не рискнули. Намеченное ещё на 25 января наступление провалилось.

Таким образом, на какое-то время Краевое правительство получило передышку, использовать которую должным образом не сумело.

26 января Покровский с отрядом прибыл в Екатеринодар. Ему была устроена триумфальная встреча. Многочисленная публика заполнила дебаркадеры и зал Владикавказского вокзала. Улица, ведущая в город, также была заполнена людьми. На протяжении всего пути тут и там были вывешены национальные флаги.

Покровского на вокзале встречали Атаман Филимонов с чинами Войскового штаба, председатель Быч, члены Правительства и Рады, Городской голова с членами Думы и многочисленные представители других организаций. Городом и дамским кружком в одном из ресторанов был организован обед для всех чинов отряда. Впечатление было такое, что война если уже и не выиграна, то исход её предопределён. Результаты первых по-

¹⁹⁵ В Исполком были избраны, в частности, от большевиков Ян Полуян, Гайчинец, Борисенко и др., от левых эсеров, в том числе, и упомянутый Никитенко. 5(18) февраля Съезд закончил свою работу.

¹⁹⁶ По свидетельству Борисенко «никто не знал толком, чем же надо заняться, какие же работы нужно проводить, как их проводить, на кого опереться в своей работе...» Антонов-Овсеенко утверждает, что «ввиду недостатка в патронах и снарядах, солдаты отказались выступить, и операцию пришлось отложить». Но, думается, главная причина срыва наступления была иная. Солдаты разъехались по домам.

бед с восприятием их властями и сочувствующим им населением оказались несопоставимыми, что неизбежно расхолаживало многих. А между тем всё ещё только начиналось, и главные бои были впереди...

Эшелоны стали на путях. Отряд высадился и выстроился на перроне. Покровский подошёл с рапортом к Войсковому атаману, после чего в краткой приветственной речи Филимонов поблагодарил отряд за проявленную в боях доблесть. «От имени Кубанского казачьего войска, – обратился он к Покровскому, – его Правительства и Рады за исключительные Ваши заслуги перед Областью награждаю вас чином полковника и прошу теперь же представить всех чинов отряда к боевым наградам». Адьютант тут же заменил ему капитанские погоны на полковничьи¹⁹⁷. Покровского подняли на руки и понесли к выходу¹⁹⁸.

Дальнейшее, по свидетельству многочисленных очевидцев, напоминало въезд триумфатора в Рим. Отряд растянулся по Екатеринодарской и Красной улицам. За частями шли повозки, нагруженные военной добычей, за ними – захваченные орудия. На одной из двуколок лежал тяжело раненный И.А. Серадзе¹⁹⁹. Тут же рядом в полушубке следовал на коне свежее испечённый полковник Покровский...

Согласно выработанному Войсковым штабом плану отряд полковника Н.П. Лесивицкого был двинут по направлению к Кавказской. Лесивицкий занял станицу Усть-Лабинскую и перешёл к обороне. Дальнейшее продвижение было невозможно

¹⁹⁷ «Мне было доложено, – оправдывается Филимонов, – что Покровский давно выслужил право на чин подполковника и только вследствие падения центральной власти он остался капитаном и что поэтому производство его в чин подполковника не явилось бы наградой за блестящее дело под Георгие-Афипской станицей. Поэтому пришлось перескочить через чин».

¹⁹⁸ «...чрезвычайно восторженная встреча благодарным населением города своего спасителя вскружили голову молодому, честолюбивому офицеру, – пишет Филимонов. – Когда я увидел Виктора Леонидовича въезжающим триумфатором во главе войск, в сопровождении трофеев, приветствуемого кликами толпы и осыпаемого цветами, я понял, что мы навсегда теряем лихого партизана, что в голове его зародятся мысли иного порядка и что скромная роль начальника партизанского отряда уже более не удовлетворит его».

¹⁹⁹ 26 января скончался в городской больнице.

ввиду малочисленности отряда и поголовной советизации лежащих впереди станиц.

Главные силы, ядром которых был пополнившийся новыми добровольцами отряд Покровского, должен был занять Тихорецкую. О перспективах восстановления связи с Доном не говорилось. Так далеко никто не заглядывал.

К.Л. Бардиж

К Тимашевской был направлен отряд капитана Раевского, действовавший вскоре совместно с К.Л. Бардижем, заслуживающим особого упоминания. Ещё в конце декабря им была задумана и осуществлена экспедиция по маршруту Медведовская – Тимашевская – Приморско-Ахтарская. Цель предприятия заключалась в том, чтобы разогнать формирующиеся отряды Красной гвардии и мобилизовать сохранявших нейтралитет казаков на борьбу с большевиками.

Продвигаться предполагалось по железной дороге. Поэтому на путях у Черноморского вокзала в короткие сроки была оборудована бронеплощадка, состоявшая из 8 «объектов»: паровоза, двух оружейных и двух пулемётных платформ, двух крытых и одного классного вагона, в котором находился сам Бардиж и штаб²⁰⁰. На платформах на импровизированные лафеты установили два орудия образца 1902 г. Прислуга была защищена стальными щитами, установленными у орудий и пулемётов. Вдоль бортов открытых платформ и стен крытых вагонов, в которых располагались артиллеристы и часть отряда стрелков, проложили мешки с песком.

²⁰⁰ Паровоз с классным вагоном располагались в середине состава, а от них вправо и влево симметрично расходились по одному крытому вагону, по одной пулемётной и артиллерийской платформе. Все вагоны и паровоз были соединены с классным вагоном Бардижа телефонной связью.

В экспедицию приказом Командующего войсками Кубанского края был выделен один взвод батареи Ю.Ф. Корсуна. Сам есаул командовал артиллерией, капитан Раевский – пулемётчиками и пехотой.

В начале января бронелетучка²⁰¹ была подготовлена, и Бардиж отдал приказ выступать. При подходе к станичным станциям эшелон на всякий случай сбавлял ход. Команда изготавливалась у орудий и пулемётов, а пехота рассыпалась жиденькой цепью вправо и влево от вагонов. Огонь был открыт лишь однажды, в Приморско-Ахтарской. Орудия бронелетучки обстреливали спешно уходивший из станицы отряд местной Красной гвардии²⁰².

На занятых станциях Бардиж собирал казаков на митинг, убеждая их одуматься и выступить на защиту Краевого правительства с оружием в руках. Старики слушали его весьма сочувственно, фронтовая молодёжь доводов Бардижа не воспринимала. Всё предприятие продолжалось несколько дней и ощутимых результатов не принесло. Бронелетучка возвратилась в Екатеринодар. Артиллерийский взвод вернулся в свою батарею.

После этой, не переломившей настроения приморских казаков, экспедиции Бардиж перестал посещать заседания Правительства и вышел из его состава. Своё поведение он объяснил следующими словами: «Без пшена каши не сварить». Имелось в виду, что без *казачьих войск* Кубань не спасти. Бардиж с двумя сыновьями перебрался в станицу Брюховецкую²⁰³, где попытался поднять казаков на борьбу с Советами. При этом всё, связанное с Паритетом, было им отброшено, а на вооружение взята идеология старых украинских «гайдамаков» времён Запорожской Сечи. Что реально под этим подразумевалось, ска-

²⁰¹ Умельцы-энтузиасты, оборудовавшие для экспедиции Бардижа несколько стоявших на путях платформ и вагонов, гордо называли своё детище «1-м бронепоездом».

²⁰² Отряд в 50-60 штыков сформировал прибывший в станицу большевик П.К. Зоненко. Отступая от Приморско-Ахтарской, он погрузил своих людей в лодки и от Ясневской косы морем переправил красногвардейцев в Ейск.

²⁰³ Уроженцем которой он являлся.

зять трудно, так как программных заявлений Бардиж оставить не успел²⁰⁴.

Собрался отряд в несколько сот сабель с симпатизирующими Бардижу казачьими офицерами во главе²⁰⁵. «По станицам рыскал со своим вооружённым отрядом комиссар Временного правительства Кубани²⁰⁶ Бардиж, – пишет И.Л. Хижняк. – Он громил только что зарождающиеся отряды Красной гвардии, агитировал казачьи части, чтобы они переходили на сторону Кубанской рады». Несмотря на обозначившуюся уже оторванность от Екатеринодара, Бардижу удалось совершить ещё несколько удачных набегов.

В какой-то момент он посчитал, что в силах оказать помощь Дону и нанести удар с юга на Батайск. Специально выделенный отряд под командованием полковника Демяника был направлен им в Староминскую, где находились прибывшие с фронта штабы казачьей батареи, конных полков и пластунского батальона. Однако надеждам на то, что удастся поднять казаков, не суждено было сбыться. Более того, едва узнав, что на станцию прибыли «войска Бардижа», представители расквартированных в Староминской кубанских казачьих частей предъявили Демянику ультимативное требование немедленно покинуть станцию, угрожая в противном случае расстрелять отряд из орудий. Переговоры ни к чему не привели. Демяник, вместо

²⁰⁴ Вряд ли Бардиж собирался действовать независимо от Екатеринодара. Ещё более сомнительными выглядят утверждения о «украинизации» движения. Когда стало очевидным, что за Паритет, даже за Войсковое правительство казаки воевать не станут, Бардиж попытался предложить черноморскому казачеству свежую, как ему представлялось, привлекательную идеологию. «Вольно-казачье движение» было для него лишь средством для сколачивания боеспособных отрядов, и дальше специфической риторики бывший представитель Временного правительства не пошёл. Тем более что действовал он с согласия и ведома Краевого правительства и получил от Войскового атамана на организацию отряда 1 млн рублей. Так или иначе, но представляется, что всё «начинание» держалось не столько на разговорах о вольных «гайдамаках», сколько на личном авторитете самого К.Л. Бардижа.

²⁰⁵ В частности, к Бардижу присоединился и бывший командир 154-го Дербентского полка полковник Демяник.

²⁰⁶ Так в тексте. Конечно же, Бардиж был в своё время назначен комиссаром от Временного правительства на Кубани. Впрочем, к этому времени он давно уже не являлся ни комиссаром, ни даже членом Краевого правительства.

того, чтобы, как планировалось, продвинуться дальше, занять Кущёвку и перерезать тем самым железнодорожную ветку Тихорецкая – Ростов, вынужден был отойти в Новоминскую.

В ночь на 11(24) февраля, когда Добровольческая армия, оставив Ростов, уже отошла в Ольгинскую, на станцию Староминскую прибыл сам Бардиж с главными силами. Днём в станице был собран многотысячный митинг, на котором выступили приехавшие вслед за Бардижем члены Правительства и Рады Султан-Шахин-Гирей, П.Л. Макаренко²⁰⁷, Ф.А. Щербина и др. Большинство казаков, тем более иногородние, встретили их с откровенной враждебностью²⁰⁸. Выступление и попытки агитации едва не привели к убийству екатеринодарских делегатов. Казаки-фронтовики перерезали телефонные провода, оборвав связь со станцией и сохранявшей лояльность по отношению к Краевому правительству станицей Уманской²⁰⁹. Шесть своих орудий батарейцы подкатили к станции для стрельбы прямой наводкой по отряду Бардижа. Воевать со своими же казаками было невозможно. Бардиж отступил.

15(28) февраля в географическом центре Черноморья, станице Брюховецкой собрался съезд так называемой «Черноморской Рады», на который съехались уполномоченные представители большинства приазовских станиц. Рада одобрила деятельность Бардижа и постановила призвать фронтovou казачью

²⁰⁷ Брат И.Л. Макаренко.

²⁰⁸ Выступавшие на митинге рядовые казаки требовали немедленного удаления со станции отряда Бардижа. При этом откровенно заявляли, «что большевики ничего злого для них не сделали, и что, если надо будет, староминцы сами себя защитят от большевиков, если последние будут притеснять как-либо казаков». Позже расквартированные в Староминской 1-й, 2-й и подошедший 3-й Запорожские кавалерийские полки, 5-й пластунский батальон и шести орудийная батарея были разоружены Ейским красногвардейским батальоном без единого выстрела. В Староминской из 30000 населения казаков было более 22 тысяч. Но против Советов воевать никто не собирался. Казаки готовы были принять любую власть, которая обещала мир.

²⁰⁹ 11-13(24-26) февраля в Уманской проходил съезд делегатов Ейского отдела, который принял решение не отступать от Екатеринодара и противостоят Советам. Когда позже красногвардейский отряд разоружал Уманскую, офицеры и часть казаков оказали вооружённое сопротивление. Большинство же оружие сдали без выстрела.

молодёжь идти в «гайдамаки». Было принято постановление об организации обороны, совместно с Краевым правительством разработан план конкретных действий, предусматривающий частичную мобилизацию казаков, создание ударных отрядов, предназначенных для очищения узловых станций и участков железной дороги Екатеринодар – Тихорецкая – Ростов, Тихорецкая – Кавказская – Армавир, Славянская – Крымская – Новороссийск. Вряд ли к этому времени столь масштабные начинания могли реализоваться, но организовать ещё один «фронт» борьбы с большевиками казалось возможным. Однако в ночь на 17 февраля (2 марта), перед самым завершением работы Рады в Брюховецкую пришли известия о разгроме правительственных войск под Выселками и решительном наступлении большевиков с этого направления на Екатеринодар. Тут же вся подготовка и сама работа Рады были свёрнуты.

Ухудшение обстановки заставляло Бадрижа постепенно смещать зону действий его отряда к югу. И хотя серьёзных успехов он добиться так и не смог, но уже само его существование держало в напряжении Крымскую и Новороссийск и не позволило большевикам организовать новое наступление на Екатеринодар с этого направления.

В конце концов, под станицей Троицкой столкновение с Красной гвардией оказалось для Бардижа неудачным. Отряд его тут же рассеялся. Дело было не в частном поражении. После Выселок, тем более после оставления Екатеринодара даже те из казаков, которые готовы были защищать Краевое правительство, поспешили разойтись по домам. В их представлении Советская власть победила окончательно и бесповоротно, и любые их усилия ничего уже изменить не могли.

При всём том судьба Екатеринодара решилась на Тихорецком направлении, где удача поначалу была на стороне Покровского. Его отряд, сбивая с полустанков советские заслоны, занял без боя станицу Кореновскую. Планировалось продвинуться до Тихорецкой и рассеять советские формирования. Однако для осуществления этой задачи прежде необходимо было занять Выселки. А осуществить это было уже непросто.

Сами Выселки и окружающие хутора являлись зоной проживания иногородних, причём по большей части некоренных, батраков. Неудивительно, что на призыв Ревкома формировать Красную гвардию откликнулись без раздумий тысячи крестьян. 24 января 1918 г. в Выселках состоялся митинг, по сути, сход населения. Открывая его, председатель Выселковского ревкома Д.И. Дорошенко предложил утвердить следующую повестку дня:

1. Текущий момент.
2. Организация революционного полка.

подавляющее большинство предложение поддержало. Возражавших нашлись единицы²¹⁰. Их доводы убедительными не показались даже и казакам, многие из которых к Советской власти относились нейтрально, а зачастую и сочувственно.

Тут же на митинге было объявлено о формировании полка «Имени Чёрного интернационала²¹¹». Запись добровольцев продолжалась и 25 января. К концу дня в составе полка было два батальона общей численностью свыше 800 штыков. Командиром был избран пользующийся авторитетом у односельчан фронтовик К.И. Чернявский. Командовать 1-м батальоном стал А.И. Попов, вторым – строевой офицер Павел Лунёв. Из парка 39-й дивизии были выделены для полка два орудия. Командиром батареи выбрали уроженца станицы Кореновской фронтовика-артиллериста Г.Д. Ткаченко.

Из Кореновской отошли на Выселки и влились в полк несколько небольших красногвардейских отрядов и в их числе

²¹⁰ Против выступали немногочисленные зажиточные крестьяне, которым возобновление масштабных боевых действий, а также и узаконенное присутствие 39-й дивизии, ничего хорошего не сулило. Однако преобладали батраки, которым терять было нечего совершенно. А за пай земли, пусть даже и отобранный у соседа, можно было и повоевать. Главное же, очевидное бессилие Краевого правительства склонило большую часть населения на сторону большевиков, чья победа казалась скорой и неизбежной.

²¹¹ Большинство малоимущих крестьян поддерживали анархистов и популярный лозунг «чёрного (каждому в равных долях, независимо от имущества и ценза оседлости) передела земли». В дальнейшем по понятным причинам полк именовался Выселковским стрелковым. Режущее слух первоначальное название было передано одному из батальонов.

конные взводы Григория Мироненко²¹² и Ивана Кочубея²¹³.

Уже в первые дни сформированная часть представляла собой организованную, крепко сколоченную и хорошо вооружённую боевую единицу. При этом приток желающих стать в его ряды не прекращался, и численность росла день ото дня.

На рассвете 2(15) февраля Покровский атаковал Выселки. Впереди шёл бронепоезд, который должен был с ходу ворваться на станцию и помочь пехоте очистить её от противника. Однако по инициативе П. Лунёва пути перед железнодорожным виадуком были завалены шпалами, брёвнами и стальным ломом. Бронепоезд вынужден был остановиться перед завалом и, высадив десант, открыл артиллерийский огонь. Активно маневрировала и конница. Тем не менее, атака не удалась. Красногвардейцы, укрывшиеся в заранее вырытых окопах, на огонь отвечали огнём и в первом своём бою проявили стойкость. Все попытки разобрать завал ни к чему не привели, за откосами насыпи засели стрелки и отступить не собирались. Перестрелка продолжалась до вечера. С наступлением темноты всё стихло.

Тут сказалось всё же отсутствие опыта у свежее испечённых советских командиров. На ночь от завала на путях было отведено к своим окопам охранение, чем немедленно воспользовались «покровцы». Юнкера разобрали завал. Бронепоезд въехал на станцию, туда же вскоре подошла и пехота. Оборона Выселковского полка оказалась прорванной в самом центре. Дальнейшее сопротивление в окопах на окраине теряло всякий смысл, и красногвардейцы вынуждены были их оставить.

Едва Выселки были очищены²¹⁴, бронепоезд и конница продвинулись ещё на 20 километров к Тихорецкой, вплоть до

²¹² Г. Мироненко командовал взводом ещё в Старой армии в казачьем полку полковника Бабиева. По прибытии с фронта привёл взвод в станицу Раздольную, уроженцем которой являлся, и после непродолжительного отдыха направился в Кореновскую в распоряжение Ревкома.

²¹³ И. Кочубей, чьё имя гремело впоследствии на Кубани, организовал свой взвод из казаков и кавалеристов-фронтовиков станицы Александровской и близлежащих хуторов и станиц.

²¹⁴ Леонтович утверждает, что Выселки были заняты отрядом Покровского 6(19) февраля. В это же время на кавказском направлении полковник Лесивицкий вытеснил большевиков из Усть-Лабинской.

разъезда Бурсак. Отступившие в расстройстве советские отряды заняли оборону севернее и стали приводить себя в порядок. Дальнейшее продвижение к Тихорецкой Покровский не форсировал, не исключено, в том числе, и по политическим соображениям.

Вскоре в Раду прибыла с фронта группа офицеров с петицией о назначении Командующим войсками Кубани полковника В.Л. Покровского. При этом было высказано предположение, что смена военного руководства будет способствовать поднятию боевого духа. Несмотря на то, что вопросы командования всегда были в исключительном ведении казаков, Атамана и Рады, и петицию вполне можно было рассматривать как открытый шантаж, Правительство отнеслось к этому со всей серьёзностью.

А.П. Филимонов собрал во Дворце всех заинтересованных лиц. На обсуждение были вынесены три кандидатуры: представителя Добровольческой армии генерала Эрдели, полковника Н.П. Лесивицкого и полковника Покровского. Эрдели отвёл свою кандидатуру, мотивируя отказ двусмысленностью своего положения²¹⁵, и высказался в пользу Покровского. То же пожелание было и в письме Лесивицкого, с фронта в Екатеринодар не прибывшего. Оставалась одна кандидатура, но и она требовала обсуждения. Сразу за Покровского высказались Рябовол и Калабухов. С оговорками поддержал Покровского Быч. Возражал против кандидатуры Покровского Скобцов, категорически возражал член Правительства по военным делам полковник Успенский. Вплоть до того, что в случае избрания Покровского Командующим просил освободить его от должности²¹⁶.

Другой кандидатуры, однако, не нашлось. И то, что выби-

²¹⁵ А также и тем соображением, что управлять крупными соединениями Командующему не придётся, а операции вдоль внутренних коммуникаций известны любому офицеру. Полковник же Покровский, по его мнению, выгодно отличался тем, что имел опыт именно таких боёв, и имя его было известно в войсках.

²¹⁶ Едва Покровский был избран, Успенский тут же напомнил Филимонову о своём заявлении. Однако по личной просьбе Атамана согласился остаться на должности. Понятно, что после этого инцидента, отношения у полковников оставались натянутыми.

рать, в общем-то, не из кого, понимали все. Атаман Филимонов посчитал, что вопрос решён положительно, кандидатура Покровского утверждена, и пригласил полковника, ожидающего своей участи в соседней комнате, войти в зал. В краткой речи, отчеканивая каждое слово, В.Л. Покровский обещал «спасти Кубань».

Источники во мнении относительно Покровского, мягко говоря, не сходятся и выражают диаметрально противоположное к нему отношение. От восхищения В. Леонтовича до нескрываемого неприятия, даже ненависти кубано-украинской эмиграции и скептической сдержанности Д.Е. Скобцова.

Если вдуматься, стоит отбросить крайности и признать правоту следующих строк Деникина:

«Покровский был молод, малого чина и военного стажа и никому не известен. Но проявлял кипучую энергию, был смел, жесток, властолюбив и не очень считался с «моральными пред-рассудками²¹⁷». Одна из тех характерных фигур, которые в мир-

²¹⁷ Как и в любом человеке, тем более, достигшем определённых высот, в нём положительные качества удивительным образом и вполне гармонично сочетались с весьма сомнительными. В качестве военного лётчика Покровский был, безусловно, на своём месте и успел зарекомендовать себя храбрым, инициативным авиатором. 15 июля 1915 г. он вместе с наблюдателем корнетом Плонским вступил в воздушный бой с австрийским «Альбатросом». Расстреляв патроны, занял позицию сверху и маневрированием вынудил противника произвести посадку на нашей территории. Тут же сел рядом и взял в плен двух австрийских лётчиков, не позволив последним сжечь аппарат. За этот подвиг Покровский был награждён офицерским Георгиевским крестом 4-й степени.

Так что, в смелости ему действительно не откажешь. В то же время, честолюбия Покровскому хватало с избытком. И разговоры о желании его подобрать атаманскую булаву, выпади она вдруг из рук Филимонова, и небрежительном отношении нового Командующего как к своему предшественнику генералу Гулыге, так и к Краевой Раде, которую Покровский называл «Кубанским совдепом», видимо, не лишены основания.

Не прибавляют симпатий к полковнику и следующие слова Д.Е. Скобцова: «Покровский уже тогда приобрёл славу жестокого человека. Он подобрал себе соответствующее штабное окружение.

Участились случаи бессудного убийства арестованных «при попытке бежать». О том, что происходило в помещениях для арестованных, ходили плохие слухи».

Но вместе с тем, в здравомыслии Покровскому отказать невозможно. Когда Корнилов поставил вопрос ребром, Покровский был одним из первых, кто выразил готовность в военном плане безоговорочно ему подчиниться.

ное время засасываются тиной уездного захолустья и армейского быта, а в смутные дни вырываются кратковременно, но бурно на поверхность жизни. Как бы то ни было, он сделал то, чего не сумели сделать более солидные и чиновные люди: собрал отряд, который один только представлял из себя фактическую силу, способную бороться и бить большевиков. Успех под Энемом окончательно укрепил его авторитет в глазах правительства. Но для преобладающей массы добровольцев имя его не говорило ничего».

Возможно, назначение Покровского Командующим и повлияло на неудачу под Выселками²¹⁸, но не это явилось основной причиной падения Краевого правительства. В сравнении с нежеланием казаков воевать за свою власть назначение вообще мало что значило. Горсточка пришлых офицеров и юнкеров и примкнувшей к ним местной молодёжи²¹⁹ без казаков не могла противостоять людскому морю, принявшему Советскую власть, при любых обстоятельствах. И в этом смысле вопрос о том, кто станет командовать, Покровский, или, скажем, тот же Бардиж, был куда менее значим, нежели отсутствие готовых сражаться

²¹⁸ «Покровский с того момента, как он начал хлопоты о назначении его командующим армией, – писал Филимонов, – в Выселки не ездил; партизаны, очень при нем подтянутые, надели халат и прозевали приближение большевиков...

Если бы на Выселках мог быть Галаев или же если бы Покровский не был так чувствителен к поклонению, которым его окружило екатеринодарское общество, и лично бы руководил, как он мне обещал, действиями отряда на тихорецком направлении, то, конечно, катастрофы 16 февраля, вероятно, не произошло бы.

При всяких нормальных условиях военных действий Покровский, как командующий армией, за дело под Выселками подлежал бы ответственности. Но не такое тогда было время и не до критики промахов Покровского было тогда. Нужно было спасать армию от полного разгрома».

Не стоит также забывать, что ответственность за разгром в Выселках с Покровским в равной степени должны разделить как высшие должностные лица, назначившие его Командующим, так и те, кого он оставил за себя командовать отрядом.

²¹⁹ В отрядах, защищавших Екатеринодар, были, конечно, и казаки-добровольцы. Но в незначительном количестве. Несколько сот, не более. В сравнении с десятками тысяч бойцов, которых могло бы выставить Кубанское войско, это была капля в море.

за свою власть хотя бы нескольких кадровых кубанских казачьих полков.

Генерал Гулыга получил отставку. 14(27) февраля В.Л. Покровский был назначен Командующим военными силами Кубани и тут же перевёл свой штаб в Екатеринодар. В командование отрядом в Выселках вступил полковник Ребдев²²⁰. Смена коней на переправе, как известно, ни к чему хорошему обычно не приводит. Замена командира посреди боевой операции против сильного, уверенного в себе, ни разу ещё не потрепанного противника явилась именно «переправой», закончившейся для екатеринодарского отряда катастрофой.

6.4.6. Звезда Сорокина. Выселки. Оставление Екатеринодара

После Энема и Афипской многие посчитали, что и под Тихорецкой всё так или иначе, раньше или позже, но сведётся к разгрому советских войск. При этом совершенно не учитывалось, что на этом направлении большевики располагали силами, качественно иными. Здесь вновь было *значительное* их численное превосходство²²¹. Но почти не было красногвардейских дружин, где рабочие впервые брали в руки трёхлинейки при их получении. Не было солдатских толп без погубленных предварительно командиров. А были крепко сколоченные отряды из фронтовиков и регулярные боевые части, бравшие в своё время Эрзерум и сохранившие, не растратившие ещё часть офицеров и дисциплину. И был штаб 39-й дивизии в

²²⁰ В. Леонтович подчёркивает, Ребдев был назначен начальником отряда «по предписанию Войскового штаба». Но, даже если это и так, назначение такого рода без ведома, одобрения, а, скорее всего, без личной рекомендации Покровского произведено быть не могло.

²²¹ О численности советских войск, сосредоточенных для боя под Выселками, трудно говорить что-либо определённое. Бойцов в Красную гвардию записалось много, не менее 15 тысяч. Но из-за неизжитых местечковых настроений, далеко не все приняли участие в контратаке на Выселки. Следует учесть, что и в Екатеринодарском отряде после притока новых добровольцев насчитывалось никак не меньше 1500-1800 бойцов. Во всяком случае, соотношение сил и средств в этот раз было даже более благоприятным для отряда, чем под Энемом или Афипской.